

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-135-145

О МЕДВЕДЯХ, ОХОТЕ И ЛЮБВИ: «МЕДВЕЖИЙ» СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО

Нагина К.А.*Воронежский государственный университет**394000, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается «медвежий» сюжет в творчестве Л. Толстого. Этот сюжет реализуется в романах «Война и мир», «Анна Каренина», рассказах «Три медведя», «Крестник», а также в трактатах «В чём моя вера?» и «Путь жизни». В романе «Анна Каренина» он поддерживает линии Константина Левина и Кити, сопрягаясь с матримонимальной символикой и мифологическими представлениями славян. В романе «Война и мир» его персонажем является Пьер Безухов, а в позднем творчестве Л. Толстого медведи включаются в фольклорный сюжет, иллюстрирующий идею непротивления злу насилем. Во всех указанных случаях «медвежий» сюжет содержит звёздную символику, что в художественном мире Л. Толстого традиционно связывается с поисками смысла бытия.

Ключевые слова: Л. Толстой, «медвежий сюжет», художественная антропология, «Война и мир», «Анна Каренина».

ON BEARS, HUNTING AND LOVE: “BEAR” PLOT IN THE WORKS OF L. TOLSTOY

K. Nagina*Voronezh State University**10 Lenin square, Voronezh, 394000, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the “bear” plot in the works of L. Tolstoy. This plot is realized in novels “War and Peace”, “Anna Karenina”, stories “Three Bears”, “The Godson”, and also in treatises “What I believe” and “The Only Way”. In the novel “Anna Karenina”, he supports the courses of Konstantin Levin and Kitty, interfacing with matrimonial symbols and mythological representations of the Slavs. In the novel “War and Peace” his character is Pierre Bezukhov, and in the late works of L. Tolstoy bears are included in the folk story, illustrating the idea of non-resistance to evil violence. In all these cases, “bear” plot contains star symbols, which are traditionally associated with the search for the meaning of being in the literary world of L. Tolstoy.

Key words: L. Tolstoy, “bear plot”, artistic anthropology, “War and Peace”, “Anna Karenina”.

«Медвежий» сюжет, ясно прослеживающийся в творчестве Л.Н. Толстого, развивается в нескольких направлениях. Первое, представленное в «Анне Карениной», связано с матримонимальной семантикой; к нему примыкает второе, опирающееся на мифологические представления славян о медведе как воплоще-

нии земли, мира предков; и, наконец, третья, разворачивающееся в пространстве поздних произведений писателя, соединяется с идеей непротivления злу насилieм.

Когда Константин Левин приезжает в Москву, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой, он встречает её на катке в Зоологическом саду в сопровождении гувернантки. Называя свою воспитанницу «Tiny bear» – медвежонок, старая дама напоминает Левину «его шутку о трёх барышнях, которых он называл тремя медведями из английской сказки». Причём сам Левин «решительно не помнил этого, но она уже лет десять смеялась этой шутке и любила её» [10, т. 8, с. 39]. Почему же эта «шутка» стёрлась из памяти Константина Дмитрича и каковы истинные причины ассоциативного сближения трёх сестёр Щербацких с тремя медведями?

Первые главы «Анны Карениной» были напечатаны в январе 1875 г., как раз в период завершения работы над «Новой азбукой», в которую вошёл перевод английской сказки «Три медведя», благодаря Л.Н. Толстому получившей столь широкую известность. Следовательно, перед нами – одно из свойственных творчеству писателя пересечений сюжетов, над которыми он работал примерно в одно и то же время. Позволим себе напомнить, что в знаменитой сказке девочка, заблудившаяся в лесу, заходит в домик, где живут три медведя: большой, поменьше и самый маленький. Девочка поочерёдно пробует еду из трёх чашек, по очереди сидит на трёх стульях и лежит на трёх кроватях, причём отдаёт предпочтение всему тому, что принад-

лежит медвежонку. В его кровати она и засыпает.

В романе «Анна Каренина» Константин Левин оказывается в положении девочки из сказки: он «влюбился в дом Щербацких. Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблён именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких» [10, т. 8, с. 29]. Подобно героине, ставящей себя на место медведей, он поочерёдно примеривается к каждой из трёх сестёр, в итоге отдавая предпочтение меньшей: «Во время студенчества он чуть было не влюбился в старшую, Долли, но её вскоре выдали замуж за Облонского. Потом он начал влюбляться во вторую. Он как будто чувствовал, что ему надо влюбиться в одну из сестёр, только не мог разобрать, в какую именно. Но и Натали, только что показавшаяся в свет, вышла замуж за дипломата Львова. Кити ещё была ребёнок» [10, т. 8, с. 30]. После этого Левин уехал в деревню, а вернувшись, обнаружил, что «Tiny bear уже стал большой». «Он понял, в кого из трёх сестёр ему действительно суждено было влюбиться» [10, т. 8, с. 30]. Так обнажаются причины вытеснения этого сказочного сюжета из памяти героя. «Любопытное текстуальное подтверждение тому, что сказка актуальна для Толстого и на уровне описания», Б. Леннkvист обнаруживает в пассаже о трёх сёстрах Щербацких, «где они представлены от старшей к младшей по длине их шубок» [5, с. 98]: «... подъезжали в коляске к Тверскому бульвару в своих атласных шубках – Долли в длинной, Натали в полудлинной, а Кити в совершенно короткой, так что статные ножки её в туго натянутых

красных чулках были на всём виду» [10, т. 8, с. 30].

Сказочная история заканчивается бегством девочки из дома медведей, причём не последнюю роль тут играет медвежонок, обнаруживший девочку в своей постельке и завизжавшей так, «как будто его режут» [10, т. 10, с. 8]. Первая попытка сватовства к Кити заканчивается для Левина «позором отказа» [10, т. 8, с. 168], однако «медвежий» сюжет не заканчивается, как не остывает в сердце Левина любовь к “Tinu bear” Кити.

Занятый обычными для деревенского жителя весенними хлопотами, Константин Дмитрич пребывает в «счастливом ... расположении» духа [10, т. 8, с. 177], когда к нему приезжает Степан Аркадьевич Облонский. Левин хочет узнать у него, не вышла ли замуж Кити. Друзья отправляются на охоту, а Стива проявляет свойственную ему деликатность, не упоминая интересующий Левина предмет. Разговор идёт о вопросах хозяйства, которое в этот период больше всего занимает Левина. « – Нет, ты счастливый человек», – замечает Облонский. – Всё, что любишь, у тебя есть. Лошадей любишь – есть, собаки – есть, охота – есть, хозяйство – есть» [10, т. 8, с. 180]. Так охота утверждается в числе любимых занятий Левина. К вечеру охота на птиц сменяется охотой на звёзды: «Над головой у себя Левин ловил и терял звёзды Медведицы» [10, т. 8, с. 183].

На ночном небе герой видит и другие звёзды: «Ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за берёзок своим нежным блеском, и высоко на востоке уже переливался своими красными огнями мрачный Аркутурус. Над головой у себя Левин ловил и

терял звёзды Медведицы. Вальдшнепы уже перестали летать: но Левин решил подождать ещё, пока видная ему ниже сучка берёзы Венера перейдёт выше его и когда ясны будут везде звёзды Медведицы. Венера перешла уже выше сучка, колесница Медведицы с своим дышлом была уже вся видна на тёмно-синем небе, но он всё ещё ждал» [10, т. 8, с. 183]. Глядя в небо, Левин спрашивает Стиву о Кити. Созерцание созвездия Большой Медведицы придаёт ему силы: «Левин чувствовал себя столь твёрдым и спокойным, что никакой ответ, он думал, не мог взволновать его» [10, т. 8, с. 184]. «Толстой позволяет нам вникнуть в подсознание Левина, – комментирует эту сцену Б. Леннkvист, – оживает связь слов “tinu bear уже стал большой” с Большой Медведицей» [5, с. 99]. Кити имеет своего двойника в звёздном небе, тем более что звёздная символика в этой сцене вполне прозрачна. Левин ждёт, когда Венера, женская планета, символ небесной и земной любви, перейдёт выше и ему полностью откроется созвездие Большой Медведицы, в которое, согласно древнегреческим легендам, была превращена Зевсом прекрасная нимфа Каллисто, спутница и подруга Артемиды. «Стражем медведицы» является её сын, превращённый в звезду Аркутр, ярчайшую в созвездии Волопаса. Волопас – пахарь, правящий Большой и малой Медведицами, которые тянут за собой плуг, возделывая небесные поля, «чтобы вращение небес никогда не прекращалось». Так звёзды актуализируют два нераздельно связанных семантических поля, в которые вписан Левин: его любовь к Кити и приверженность труду,

наделённому в романе сакральным значением.

Забегая вперёд, скажем, что идея «вращения небес» путём «вспахивания небесного поля» парадигматически обнаруживает себя в финальной сцене романа, когда, в очередной раз глядя на звёздное небо, Левин видит «знакомый ему треугольник звёзд» и проходящий в середине его Млечный Путь. Он размышляет об «общем проявлении бога для всего этого мира со всеми этими туманными пятнами» [10, т. 9, с. 415]. «Разве я не знаю, что звёзды не ходят? – спросил он себя, глядя на изменившую своё положение к высшей ветке берёзы яркую планету. – Но я, глядя на движение звёзд, не могу представить себе вращения земли, и я прав, говоря, что звёзды ходят... И точно так же, как праздны и жалки были бы заключения астронавтов, не основанные на наблюдениях видимого неба по отношению к одному меридиану и одному горизонту, так праздны и жалки были бы и мои заключения, не основанные на том понимании добра, которое для всех всегда было и будет одинаково и которое открыто мне христианством и всегда в душе моей может быть поверено» [10, т. 9, с. 415–416]. К этому следует добавить, что, когда Левин трудится на земле, он не задумывается о смысле жизни, и, подобно Волопасу, вспахивающему небесные поля с помощью колесницы Медведицы, вспахивает поле земное, воспроизводя саму жизнь. Не случайно земледельческий труд Левина связывается с «вопросом об общем благе» [10, т. 8, с. 378] народа и является для героя «единственной нитью в ... темноте» [10, т. 8, с. 387]. Так звёзды на ночном небе, увиденные Левиным,

устойчиво сопрягаются с ситуацией труда и любовью к Кити.

В очередной раз звёздное небо открывается герою Толстого после решения вопроса о покосе с мужиками «сестриной деревни». Вечером Константин Дмитрич любит сцены «весеннего общего труда», испытывая «чувство зависти к людям, живущим» «трудоу, чистой и общей прелестной жизнью» [10, т. 8, с. 301]. Глядя на звёзды, он отрекается «от своих бесполезных знаний, от своего ни к чему не нужного образования» [10, т. 8, с. 304] и даже задумывается о женитьбе на крестьянке. «Перламутровая раковина из белых барашков-облачков», появившаяся в утреннем небе [10, т. 8, с. 305], связывается им с переменной взглядов на жизнь. Но в следующую, уже «пасмурную минуту, предшествующую обыкновенно рассвету, полной победе света над тьмой», Левин видит едущую ему навстречу карету, в которой у окна сидит Кити, и в сердце Константина Дмитрича вновь вспыхивает любовь к ней. Перемены в настроении героя подтверждает небо, «в недостижимой вышине» которого «совершилась уже таинственная перемена. Не было и следа раковины, и был ровный, расстилавшийся по целой половине неба ковёр всё уменьшающихся и уменьшающихся барашков» [10, т. 8, с. 306].

Следующая встреча Левина и Кити вновь проходит под знаком Медведицы. Сказочных и звёздных медведей сменяет медведица из охотничьего сюжета. Когда Степан Аркадьевич приходит звать Левина на ужин, на котором хочет свести его со своей свояченицей, то в гостиничном номере вместе с хозяином застаёт тверского мужика, аршином измеряющего шкуру медведицы.

Разговор идёт об охоте и других «самых задушевных предметах»: «об отношении рабочего народа к земле» и мыслях о смерти, одолевающих Левина [10, т. 8, с. 412–413]. «Ведь весь этот мир наш – это маленькая плесень, которая выросла на крошечной планете», – говорит Левин Стиве, как бы вспоминая ночное звёздное небо, увиденное им в середине лета. «Когда поймёшь, что нынче-завтра умрёшь и ничего не останется, то как всё ничтожно! И я считаю очень важную свою мысль, а она оказывается так же ничтожна, если бы даже исполнить её, как обойти эту медведицу. Так и проводишь жизнь, развлекаешься охотой, работой, – чтобы только не думать о смерти» [10, т. 8, с. 413]. Не совсем понятно, что подразумевает герой под словами «обойти эту медведицу»: то ли обойти шкуру убитой медведицы, то ли «обойти» кругом место предполагаемой берлоги, как это обычно делается на охоте. Но одно несомненно: Толстой актуализирует символику медведя как «русского зверя, воплощения земли и мира предков» [4, с. 160–161; 11, с. 185–212].

Ассоциативная связь между Левиным и медведем, возникающая на основе педалирования Толстым мотива медвежьей охоты, отчасти выстраивается на тех же основаниях, что и сновидческая встреча Татьяны Лариной с медведем в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Медведь – патрон зимней, то есть русской природы, – поясняет А.И. Иваницкий. – ... “русский зверь”, прочитываемый исследователями романа как природный и национальный первопредок самой Татьяны» [3, с. 14]. Встреча Татьяны с медведем «обеспечивает сохранение традиций, единство и непрерывность националь-

ного бытия» [6, с. 75]. Левин, как и Толстой, «славянофил ... , уверенный в существовании особой соотносительной гармонии между землевладельческой аристократией и крестьянством» [12, с. 184]. Нравственность передаётся через традицию – утверждает Толстой. Отсюда его интерес к народу – носителю мудрости и моральных истин. Земледельческий труд – часть крестьянской культуры, традиции, способ сохранения и «передавания жизни», что во многом интуитивно чувствует Константин Левин. Так что «медвежья» тема, связанная с ним, демонстрирует его приверженность к «почве» – тому крестьянскому миру, который сохраняет и передаёт земледельческую, культурную и религиозную традиции.

Участие Левина в медвежьей охоте приводит к тому, что его принимают за крестьянина. На вечере у Облонских в присутствии Кити Константин Дмитрич «весело и забавно» рассказывает о том, как, возвращаясь из Тверской губернии, где как раз и охотился на медведицу, он «в полушубке ворвался в отделение Алексея Александровича» Каренина, и «кондуктор, как и сам Каренин», хотел «по полушубку» «изгнать» его «вон» [10, т. 8, с. 423].

В этой сцене актуализируется матримонимальная символика, в славянской культуре присущая медведю, символу плодородия и плодовитости. Предметом обсуждения в гостиной становится сам Левин, его крепкие мышцы и смелость, проявленная в охоте на медведя. В разговоре участвует и Кити:

«– Я думаю, надо иметь большую силу для охоты на медведей, – сказал Алексей Александрович, имевший самые туманные понятия об охоте...

Левин улыбнулся.

– Никакой. Напротив, ребёнок может убить медведя, – сказал он, сторонясь с лёгким поклоном пред дамами, которые с хозяйкой подходили к столу закусок.

– А вы убили медведя, мне говорили? – сказала Кити ... – Разве у вас есть медведи? – прибавила она, вполборота повернув к нему свою прелестную головку и улыбаясь» [10, т. 8, с. 421–422].

Во время беседы Левин чувствует себя «победителем». Это ощущение внутренней силы заставляет его умалять свои охотничьи заслуги: он, безусловно, лукавит, когда говорит, что даже «ребёнок может убить медведя». Подтверждением тому является рассказ «Охота пуще неволи», написанный Л. Толстым в 1875 г. во время работы над «Анной Карениной». В этом рассказе он описывает свой опыт медвежьей охоты. Охотясь в 1858 г. под Вышним Волочком, писатель чуть было не расстался с жизнью: огромный медведь едва не откусил ему голову. На память об этой охоте остался шрам на лбу, который Лев Николаевич иногда показывал знакомым. Кстати, и Толстой, подобно Левину, своим внешним видом вводил в заблуждение незнакомых людей: его традиционный охотничий наряд состоял из простой блузы непонятного цвета, которая, как и полушубок Левина, скрывала его действительное положение в обществе [8].

Главным охотничьим трофеем Левина становится Кити, о чём говорит готовность Константина Дмитрича вообще отказаться от медвежьей охоты, если «жена его не пустит». Об этом он сообщает своему товарищу по охоте,

которого он весьма символично избирает свадебным шафером.

Б. Леннkvист предположила, что «физическая сила Левина, его нелюдимость и социальная “взъерошенность” могут вызвать ассоциации с медведем». Однако эта мысль представилась исследователю недостаточно убедительной, и она отвела герою роль «стража медведицы» [5, с. 103]. Но не стоит сбрасывать эти ассоциации со счётов. Уже отмеченная связь с медведем с почвой и национальной традицией делает Левина активным участником «медвежьего» сюжета не только в роли «стража медведицы», но и самого медведя. Об этом свидетельствует и новое увлечение героя, сменяющее страсть к медвежьей охоте – «охота медовая». Это сближение делается особенно прозрачным, если учесть этимологию слова «медведь» – «поедающий мёд». В итоге «пчелиная охота» становится необходимым звеном в цепи событий, приведших Левина к обретению веры и смысла бытия [5, с. 105–109].

Ассоциация «Левин – медведь» поддержана в творчестве Л. Толстого сближением на той же основе ещё одного автореферентного героя с медведем – Пьера Безухова, и отталкиванием от медведя Алексея Вронского.

В сцене первого появления графа Безухова на страницах романа в салоне Шерер князь Василий называет его медведем: «Образуйте мне этого медведя» [10, т. 4, с. 22], – обращается он к Анне Павловне. У хозяйки салона Пьер вызывает «страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту» [10, т. 4, с. 15]. В этом ключе любопытно сближение Пьера с фигурой ловчего Ростовых Да-

нили, основой для которого становится всё тот же медведь. Появление Данилы в кабинете Николая напоминает появление Пьера в гостиной Шерер: «... видеть его в комнате производило впечатление подобное тому, как когда видишь лошадь или медведя на полу между мебелью и условиями людской жизни» [10, т. 5, с. 255].

Сближение Пьера с медведем работает и в сцене дуэли с Долоховым. Вряд ли отчаянный бретер боится Пьера, однако тот вызывает у него вполне определённые ассоциации.

«Ежели ты идёшь на дуэль и пишешь завещание да нежные письма родителям ... , ты – дурак и наверное пропал; а ты иди с твёрдым намерением его убить ... , – говорит он накануне дуэли Николаю Ростову. – Как мне говаривал наш костромской медвежатник: медведя-то, говорит, как не бояться? Да как увидишь его, и страх пропал, как бы только не ушёл! Ну так и я» [10, т. 5, с. 28].

«Медвежий» сюжет в линии Пьера поддерживается сценой пирушки у Курагина и историей с квартальным. Одним из центральных персонажей «попойки» оказывается медведь: «Трое возились с молодым медведем, которого один таскал на цепи, пугая им другого» [10, т. 4, с. 42]. Недюжинная физическая сила, чуть ли не равная медвежьей, позволяет Безухову «ухватить медведя, и, обняв и подняв его», «кружиться с ним по комнате» [10, т. 4, с. 47].

Эта сцена получает своё продолжение. Выходкой молодых людей веселят гостей в доме Ростовых на именинах Наташи, заставляя графа покатываться со смеху: «... Они втроем достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежа-

ла полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина со спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нём» [10, т. 4, с. 50]. К слову сказать, сцена, так позабавившая старого графа, вдохновила и карикатуристов сатирического журнала «Искра», популярного в России 1860-х гг. Картинка, изображающая квартального, плывущего на медведе, получила подпись в духе историософии автора «Войны и мира»: «Если б судьба не решила – квартальному плыть на медведе по речке... – многое б было на свете иначе» [1].

Эта история с медведем всплывает и ещё раз, когда Марья Дмитриевна будет отчитывать Пьера за дурное поведение: « – Хорош, нечего сказать! Хорош мальчик!.. Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на медведя верхом сажает. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шёл. – Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался от смеха» [10, т. 4, с. 79].

Толстой наделяет Пьера некоторыми медвежьими чертами: он «толстый», крупный, неуклюжий, сильный и, если его разозлить, агрессивный и даже свирепый, что проявляется в сцене скандала с Элен. «Привив Пьеру медвежьих черты», писатель «создал персонаж поразительной инаковости – обаятельного человека, заключённого в медвежьем обличье» [1].

В «объединении» Пьера с медведем Дж. Брукс обнаруживает «точечный» толстовский юмор, «украшающий самые неожиданные контексты». Природу этого юмора исследователь возводит к смеховой культуре Руси, отказываясь от попытки «трактовать его в свете со-

временной Толстому и знакомой ему европейской элитарной культуры, где печатная юмористическая продукция занимала ... более видное место, чем в России». В этом смысле ключевой становится фигура медведя и его роль в русской культуре. Древний культ медведя, его присутствие в народных сказках, выступления дрессированных медведей на рынках и ярмарках, приписываемая народным сознанием способность медведя к оборотничеству, наделение фольклорных и литературных героев медвежьими чертами – всё это позволяет Дж. Бруксу проследить «ясную родословную» «толстовского медведя», восходящую к средневековой Руси. Смеховая народная культура, с точки зрения исследователя, сделала возможным и появление карикатур на «Войну и мир» в «Искре»: «Широкий и разнообразный спектр комического перекочевал из массовой и народной культуры в “Войну и мир” и в массовую культуру оттуда вернулся, аннулировав толстовскую серьёзность» [1]. Отчасти толстовский юмор направлен и на включение в «медвежий» сюжет одного из главных героев второго романа писателя – Алексея Вронского. Вернувшись домой, Алексей Александрович Каренин обнаруживает в собственной передней «красавца лакея в галунах и медвежьей пелеринке». Эта медвежья пелеринка не имеет ничего общего с медвежьей шубой Пьера, как бы являющейся его продолжением, и подчёркивает всю неуместность пребывания лакея Вронского, любовника жены Карениной, у того в передней. Некоторую трагическую комичность ситуации придаёт уменьшительный суффикс, превращающий массивную и тёплую одежду в предмет гардероба городских модников.

Вронский не питает страсти к медвежьей охоте, но поневоле должен принимать в ней участие. Эта охота является пародией на ту, в которой участвует Левин, настоящий охотник на медведей. Медвежья охота с участием Вронского включается в ряд «специально русских удовольствий», которые он должен предоставить иностранному принцу, приехавшему в Петербург: «Вронскому, бывшему при нём как бы главным церемониймейстером, большого труда стоило распределить все предлагаемые принцу различными лицами русские удовольствия. Были и рысаки, и блины, и медвежьи охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи с русским битьем посуды» [10, т. 8, с. 389]. Медвежья охота, включаясь в этот сниженный ряд, превращается в представление «русского молодечества» [10, Т. 8, с. 390]. Вронским она воспринимается как тяжёлая и постыдная обязанность, поскольку в принце он с отвращением видит зеркальное отражение самого себя: «... он невольно видел в нём себя самого. И то, что он видел в этом зеркале, не льстило его самолюбию. ... “Глупая говядина! – Неужели я такой?” – думал он». Впечатления от медвежьей охоты сливаются в сознании героя с «воспоминаниями безобразных сцен, виденных им в последние дни», и мужик-обкладчик, играющий «важную роль» в ней, превращается в кошмарный образ его сновидения: «“Что такое странное я видел во сне? Да, да. Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова ... Но отчего же это было так ужасно?” Он живо вспомнил опять мужика и те непонятные фран-

цузские слова, которые произносил этот мужик, и ужас пробежал холодом по его спине» [10, т. 8, с. 391]. Похожего «маленького» и «странного» «мужика со взъерошенной бородой» видит во сне Анна, и Вронский, слушая её рассказ об этом сновидении, испытывает «ужас, наполнивший его душу».

Так медвежья охота становится в ряд общих для Вронского и Левина занятий: семейной жизнью, сельским хозяйством, имением, – которые поддерживаются сходными мотивами [7, с. 392–400]. Система зеркальных мотивов и образов работает на сопоставление героев, причём она поддерживает идею бытийной состоятельности Левина в противовес несостоятельности Вронского. Медвежья охота Левина завершается браком с Кити, а охота Вронского превращается в кошмарное предзнаменование гибели Анны.

Свою символическую роль медведи выполняют и в позднем творчестве писателя, где обыгрывается один и тот же фольклорный сюжет, к которому Толстой по своему обыкновению обращается как минимум дважды: в художественном и религиозно-философском сочинениях. Первый раз этот сюжет возникает в трактате «В чём моя вера?» и служит иллюстрацией одной из заповедей Христа: «Ещё говорит: за зло не плати злом, а то зло вернётся на тебя ещё злее, чем прежде, как подвешенная колода над медом, которая убивает медведя» [9, т. 23, с. 423]. Вполне понимая, что подобный способ охоты на медведя является для русского человека экзотическим, Толстой даёт ему развёрнутый комментарий, но уже в трактате «Путь жизни»: «Медведя убивают тем, что над корытом мёда вешают на верёвке тяжёлую колоду. Мед-

ведь отталкивает колоду, чтобы есть мед. Колода возвращается и ударяет его. Медведь сердится и сильнее толкает колоду – она сильнее бьёт его. И это продолжается до тех пор, пока колода не убивает медведя. Люди делают то же, когда злом платят за зло людям. Неужели люди не могут быть разумнее медведя?» [9, т. 45, с. 230].

Сюжет о медведе и бревне «не встречается в репертуаре известных русских сказителей». Он плод «смекалки башкирских бортников, использующих подвешенное перед мешком борта с пчелиной семьёй бревно в качестве своеобразного замка, защищающего мёд от медведей» [2]. Этот сюжет в очередной раз привлёк внимание Л. Толстого в рассказе «Крестник», где послужил наглядной иллюстрацией тезиса о неизбежном возвращении причинённого людям зла.

И по какому-то удивительному внутреннему «сцеплению» образов и идей, свойственных творчеству Толстого, земные медведи, превращаясь в звёздных, всё в том же трактате «Путь жизни» утверждают идею добра. Писатель рассказывает о девочке, которая во время большой засухи чудесным образом получила ковшик воды. Сама она не отпила ни глотка, но, пока несла ковшик больной матери, напоила собачку, и ковшик из деревянного стал серебряным. Мать отдала воду дочери, и ковшик стал золотым. Когда девочка поднесла ковшик страннику, на нём «выскочило семь огромных бриллиантов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды. А семь бриллиантов стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали теми семью звёздами, которые называются Большой Медведицей. То, что ты отдал, то

твоё, а то, что ты удержал, то чужое. Если ты отдал что-нибудь другому, оторвав от себя, ты сделал добро себе, и это добро навсегда твоё, и никто не может отнять его от тебя. Если же ты удержал то, что хотел иметь другой, то ты удержал это только на время или до того времени, когда тебе придётся отдать это. А отдать придётся наверное, когда придёт смерть» [9, т. 45, с. 391].

Вот так парадигматически завершается в творчестве Л.Н. Толстого «медвежий» сюжет. Писатель «сводит круг», поразительным образом включая в него Кити – Большую Медведицу, Левина, который «ловит и теряет» звёзды Большой Медведицы на небосклоне, и Пьера, в медвежьей шубе нараспашку наблюдающего полёт кометы Галлея в звёздном небе 1812 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брукс Дж. Лев и медведь: юмор в «Войне и мире» [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 109 (3/2011). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1901> (дата обращения: 01.02.2018).
2. Зайденшнур Э.Е. Использование Толстым фольклора народов России в своём творчестве. Выступление на толстовских чтениях 1982 года. Фрагменты // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-433-.htm>. (дата обращения: 01.02.2018).
3. Иваницкий А. «Зимний путь» у Пушкина («Национальная» природа – кухня истории как культуры) // *Slavica tergestina*. 1998. № 6. С. 5–36.
4. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы. Древний период. М.: Наука, 1965. 251 с.
5. Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
6. Маркович В.М. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. 1980. № 5. С. 69–90.
7. Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л.Н. Толстого. Воронеж: Научная книга, 2012. 443 с.
8. Никитина Н.А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне // Интернет библиотека. URL: http://www.xliby.ru/literaturovedenie/povsednevnaia_zhizn_lva_tolstogo_v_jasnoi_poljane/index.php (дата обращения: 1.02.2018).
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958.
10. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985.
11. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Издательство Московского университета, 1983. 248 с.
12. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Художественная литература, 1974. 360 с.

REFERENCES

1. Brooks J. [The lion and the bear: the humor in “War and Peace”]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Observer], 2011, no. 109 (3/2011). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/1901> (accessed: 01.02.2018).
2. Zaidenshnur E.E. [Tolstoy's use of the folklore of the peoples of Russia in his work. Speech at the Tolstoy readings in 1982. Fragments]. In: *Fundamental'naya elektronnaya biblioteka "Russkaya literatura i fol'klor"*. [Fundamental electronic library “Russian literature and folklore”]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-433-.htm>. (accessed: 01.02.2018).

3. Ivanitskii A. ["Winter journey" by Pushkin ("national" nature is the kitchen of history as culture)]. In: *Slavica tergestina*, 1998, no. 6, pp. 5–36.
4. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie sistemy. Drevnii period* [Slavic language modeling system. The ancient period]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 251 p.
5. Lennkvist B. *Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoi: Anna Karenina* [Travel deep into the novel. Leo Tolstoy: Anna Karenina]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 128 p.
6. Markovich V.M. [Tatyana's dream in the poetic structure "Yevgeniy Onegin"]. In: *Boldinskie chteniya* [Boldin Readings.], 1980, no. 5, pp. 69–90.
7. Nagina K.A. *Prostranstvennyye universalii i kharakterologicheskie kollizii v tvorchestve L.N. Tolstogo* [Spatial universals and characterological collisions in the works of L. Tolstoy]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2012. 443 p.
8. Nikitina N.A. [The daily life of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana]. In: *Internet biblioteka*. [The Internet library.]. Available at: http://www.xliby.ru/literaturovedenie/povsednevnaia_zhizn_lva_tolstogo_v_jasnoi_poljane/index.php (accessed: 1.02.2018).
9. Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t* [Complete works: in 90 vol.]. Moscow-Leningrad, State Publishing House of Fiction, 1928–1958.
10. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenii: v 22 t* [Collected works: 22 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978–1985.
11. Uspenskii B.A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei* [Philological researches in the field of Slavic antiquities]. Moscow, Moscow University Publ., 1983. 248 p.
12. Eikhenbaum B.M. *Lev Tolstoi. Semidesyatye gody* [Leo Tolstoy. The seventies]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагина Ксения Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы Воронежского государственного университета;
e-mail: k-nagina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Nagina – Doctor in Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of history and typology of the Russian and foreign Literature, Voronezh State University;
e-mail: k-nagina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагина К.А. О медведях, охоте и любви: «медвежий» сюжет в творчестве Л. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 135–145
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-135-145

FOR CITATION

Nagina K.A. On bears, hunting and love: "bear" plot in the works of L. Tolstoy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 135–145
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-135-145